

Сергей БУРЛАЧЕНКО

г. Москва

Весною в городе пахло будущим летом, воздушным солнечным золотом, а звуки напоминали весёлую речь иностранца, непонятную и потому похожую на укутанное в слова молчание.

Вечерами Ливушка выходила на балкон и слушала апрельскую тишину. Пальцами, похожими на крепкие карандашники, она пощипывала мочку уха, прислушивалась и принюхивалась. С детства у неё такая смешная привычка: морщить гладкий красивый носик и вдыхать по-собачьи запахи. Небо пахнет свежими васильками, клён у подъезда — засохшими булочками со сладкой маковой начинкой, стёкла окон в доме напротив — подтаявшим снегом.

Мама смотрела на Ливушку, морщившую носик, и улыбалась.

- Моя дочка идёт по следу.
- Не смейся надо мной!
- Что ты! Я тебе помогаю!
- Когда найду то, что ишу, я позову тебя первую.
- Надо дождаться. Я тебя обязательно услышу.

В день маминых похорон с утра светило солнце, а потом пошёл дождь. Солнце и дождь ничем не пахли. Пахло чёрной сырой землёй, которую жирно резали лопатами. Мамина могила казалась Ливушке внезапной остановкой на длинном, бесконечном пути. Вот-вот стихнет траурная музыка, закончатся речи и они с мамой пойдут дальше.

Даже сейчас, восемь лет спустя, вечером на балконе она слышала запах её шагов. Словно ноздрей коснулся свежий ветерок, вылетевший из крепкого, сочного леса.

В этом году Ливушке исполнилось сорок лет и в её карих глазах появилось выражение тревоги. Об этом сказал её приятель Тютрюмов, художник и неунывающий оптимист. Он писал пейзажи, и Ливушке всегда казалось, что она слышит запахи, которые источают река, лес или цветы на его молчаливых картинах. Она долго не могла понять, кто ей нравится больше: Тютрюмов или его пейзажи? Его спокойный голос, уверенные руки, приветливое лицо окутывали её лёгким облаком чувственного томления. А простые картины напоминали детские мечты, которые волнуют своей забытой наивностью. Выбор затягивался. Ливушка не могла решить, что здесь важнее, пока од-

Сорок На пятьдесят

рассказ

нажды не поразила своему маленькому открытию. Ей нравилась она сама, нравилось, как она ошеломлена этим выбором и парит благодаря ему на качелях. Вверх — Тютрюмов, вниз — нарисованные художником сосны. Или наоборот: сверху — зимний пейзаж, а внизу — художник.

И она успокоилась. Тем более что Тютрюмов сам написал её портрет. Ведь это была новая высота, куда вознеслись качели. Ливушка очень ждала, как он передаст тревогу в её глазах.

И не поняла замысла художника.

Портрет был небольшой, сорок на пятьдесят сантиметров, выполненный маслом. Художник преподнёс его своей подруге в годовщину их знакомства.

Ливушка была изображена весьма точно, но без эмоций на лице и без возраста. Девочка-женщина, рассматривающая что-то за рамками портрета. Выражение её глаз скрывали очки, которые сама она надевала редко, когда хотела казаться серьёзной.

— Тебе нравится? — спросил Тютрюмов.

— Господи, конечно! — она всплеснула руками.

— Только зачем очки?

Художник задумался.

— Редкое сочетание вечной наивности и женской зоркости, — наконец сформулировал он.

«Значит, у него свои качели, — подумала Ливушка. — Ну и бог с ним, он талантлив, пусть пишет как хочет».

Фраза о тревоге в глазах быстро забылась. «Скорее всего, ничего такого и не было», — подытожила Ливушка. Но стала реже заглядывать в зеркало.

В тот день к вечеру пошёл сильный дождь. Шум падающей с неба воды источал запах крепкого мужского тела. Ливушка мелкими шажками бежала от остановки троллейбуса к дому и вздрагивала, когда мокрые капли попадали ей на лицо и руки, охлаждали и одновременно обжигали кожу.

В подъезде было темно, лампы на этажах не горели. Ливушка взбежала на свой пятый и различила у окна мужскую фигуру. Незнакомый в короткой куртке стоял спиной к ней, подтянутый, с ровными плечами, прямой спиной, подростковыми бёдрами и правильными, как у балетного танцора, ногами. Даже подъездный мрак не скрывал этого великолепия.

Ливушка замерла на последней ступеньке. А вдруг это наркоман или насильник?

Он обернулся. Лица она, само собой, не разглядела, но ей вдруг понравился скрип кожаной куртки и спокойствие неизвестного. В голове всё понеслось куда-то в сторону, и Ливушка пролепетала:

— Ваня? Тютрюмов? Ты чего здесь?

— Смешная фамилия. Но я не Тютрюмов. Я Ларькин.

— Тоже смешно.

— Почему?

— Как недостроенный магазин. Ларёк с низким окошком.

Ей на самом деле становилось всё веселее и веселее. Мужчина был безопасен, она это почувствовала, а голос у него — как у давнего знакомого, к которому так приятно ходить в гости или приглашать к себе на праздники. Мужчина выговаривал букву «у» как «ю», а «о» было похоже на «ё».

Надо было идти в квартиру, замерзали промокшие ступни и сырые волосы на голове требовали немедленной сушки. Но Ливушка, сама не понимая чего, ждала от стоявшего у окна Ларькина.

Он отвернулся, скрипнув курткой, и вдруг заговорил. Она слушала, немного волнуясь и в то же время заинтересовываясь происходящим с присущей ей наивностью.

— Шёл мимо вашего дома и вдруг нырнул в открытый подъезд. Поднялся сюда, на пятый этаж, — голос у Ларькина был спокойный, но как бы уставший. Она подумала, что у мужчины или что-то болит, или с кем-то из близких случилась беда. — Встал здесь. Задумался... Вы не обращали внимания, что человек у окна чаще всего вызывает тревогу или необъяснимую печаль?

— Нет.

— Или мысль о загадке?

— Да, наверное. Во всяком случае, силуэт у окна что-то значит.

— Но это иллюзия. Просто воображение работает и заколдовывает зрителя.

— Понятно. То есть вы хитрец, расставляющий ловушки доверчивым зрительницам?

Ларькин ничего не ответил.

Темнело. Тишина лестничного пролёта и слепой блеск окна пахли старыми книгами,

давно забытыми на книжной полке и никем не читаемыми.

«О чём я думаю?» — удивилась Ливушка.

— Я знаю, о чём вы думаете. О прошлом, которое не находит дорогу к настоящему.

Она вздрогнула и переспросила:

— О чём?

Мужчина повернулся и вдруг начал рассказывать историю о какой-то девочке, которой было хорошо в детстве и которая больше всего на свете любила цветы и большие деревья в лесу. Те и другие казались девочке друзьями, тянувшимися к её глазам и ушам, чтобы поведать красивую и добрую тайну. Но, подрастая, девочка стала замечать, насколько окружающие люди безжалостны к цветам и деревьям. Как защитить своих друзей? Как дослушать их рассказы о великой тайне? Девочка росла, взрослела, из жизни уходили близкие люди, их никто не мог заменить, а вот вместо увядших на клумбе цветов и старых деревьев в лесу вырастали новые. То есть всё в жизни шло обычно и всё было не так, как должно быть. Выросшей девочке хотелось, чтобы эта карусель крутилась по-другому, но подсказок от жизни не было. Она продолжала забирать самое дорогое, оставляя совсем не нужное. И стало понятно, какая это безжалостная и равнодушная карусель. Смертельная механическая игрушка.

И подросток девочка в конце концов почувствовала серое одиночество, к которому всякого человека приводят загадки без отгадок.

«Скоро, очевидно, начнут исчезать и звуки, полные никому не ведомых запахов».

— О чём вы говорите? — воскликнула Ливушка, поняв, что последнюю фразу незнакомец произнёс вслух. Это была её мысль, откуда-то известная непонятному Ларькину.

— Счастливые люди, вроде вас, по ошибке считают себя несчастными, — он сказал это уверенно, как похожую на круг или квадрат аксиому, фиксирующую, что дважды два равно четырём и «жи-ши» пишутся с буквой «и».

— И что делать?

Ларькин устало вздохнул:

— Почему бы однажды не поменять то, что понятно, на неизведанное?

— Как?

— Пригласите меня к себе домой.

Ливушка невольно сделала шаг назад, словно от резко польхнувшего костра.

— Не надо думать о всяких глупостях, — мужчина как бы скомандовал и даже не поинтересовался реакцией девушки. — У вас дома много картин вашего друга, художника?

— Вани Тютрюмова?

— Именно. Я покажу вам кое-что на одной из них.

— Где?

— На вашем портрете.

В квартире Ливушка зажгла свет и быстро скинула промокшие туфельки. Ларькин разулся, повесил кожаную куртку на плечики, вежливо ждал. Девушка рассмотрела его красивые тёмно-каштановые волосы с проседью и полные внутреннего жара почти чёрные глаза. Вообще, лицо у гостя было как будто давно знакомое (но так ведь и сразу показалось!) и очень лёгкое.

Она нащупала тапки, надела их, потом стала искать на полочке что-нибудь подходящее для мужчины.

Но Ларькин ушёл уже в большую комнату, тапки его не интересовали.

Ливушка поспешила за своим гостем, внезапно подумав: «Тишина в моём коридоре после него пахнет моими духами. А я ими сегодня не пользовалась. Наваждение какое-то!»

Гость стоял, сложив руки на груди и забросив голову назад, перед её небольшим портретом. Тем самым, подаренным год назад. Ливушка опять подумала малосенькую глупость: «Словно он стоит здесь давным-давно, лет пять или десять. Кажется, я ненормальная!»

— Идите сюда, — позвал мужчина и, дождавшись, когда она встанет рядом, продолжал: — Так я и думал. Холст, масло, сорок на пятьдесят.

— О моём портрете?

Ларькин неожиданно сказал:

— Bravo! — и стал кружить по комнате.

Ливушке нравилось, что он так кружит, потому что портрет его взволновал, он не скрывает этого, не демонстрирует, а просто-напросто уверенно переживает искренний восторг. Но что говорить, она не знала, потому что портрет был её и разговор о самой себе казался ей невежливым.

— Мне пятьдесят лет, — гость стоял напротив, очень близко, и глаза его светились каким-то туманом. — А вам?

— Мне? Сорок.

— Сорок на пятьдесят. Холст, масло. Понимаете?

— Что?

— Что вам и мне сорок и пятьдесят лет. Масло ложится на холст. Метафора, образ, иносказание. Ваш Тютрюмов — волшебник. Он всё зашифровал для вас и для меня. Нам надо взломать, прочитать этот код и быть вместе.

— Вы сумасшедший?

— Я верю в художественное чудо. А вы?

— Наверное, я вас не понимаю!

Мужчина подошёл к висящему на стене портрету и поднял к нему руку.

— Сейчас объясню, — он торопился говорить, и Ливушка заметила, что говорящий волнуется. — На портрете вы смотрите вправо, словно видите что-то там, за рамкой. Я смотрю на портрет и начинаю волноваться: что же привлекло её внимание? Естественно для зрителя, когда портрет обращён вниманием к нему. Тогда через себя зритель понимает нарисованное и наоборот: через портрет, его лицо, глаза, настроение — понимает себя.

— Как-то сложно...

— Стандартный приём. Например, портрет чаще всего рисуется с поворотом головы направо. Если художник рисует голову, развернув её налево, это тревожит зрителя. Потому что такой взгляд необычен.

Девушка тоже начинала ощущать волнение. Оно было таким странным, утробным, то есть рождающимся не в голове или в груди, а почти в животе, оно приятно растекалось от ягодиц к пояснице и тёплыми волнами разворачивалось в животе. Ещё ей показалось, что у неё начинает полыхать кожа на ногах и краснеют колени.

Ларькин снял портрет со стены и поднёс ей ближе к лицу:

— Вы что, близорукая? Плохо видите?

— Нет!

— Тогда зачем очки?

— Ну, как бы образ романтической и зоркой натуры.

— Какая чепуха! — он хлопнул себя по бёдрам.

— Ваш друг Тютрюмов просто отвлек ваше внимание. Вы ему нравитесь, и он не хотел, чтобы вы до конца поняли идею портрета. И, поняв, тем самым изменили бы художнику.

Ливушка чувствовала, что с трудом держится на ногах и, кажется, не понимает слов своего гостя. Её окутывал туман его чёрных глаз и бередила глубокий голос.

— Перестаньте, пожалуйста! — в её голосе были неуверенность и просьба о продолжении.

Мужчина развернул портрет к себе и слегка прищурился.

— Знаете, на кого вы смотрите, стоящего там, за рамками портрета? — он заговорил тихо, словно не желая испугать кого-то невидимого, за рамками. — На меня. Там стою я, вы видите меня, в вашем подъезде у окна, в чёрной кожаной куртке и внимательно вас рассматривающего. Великолепно, да? Сорок на пятьдесят. Вы смотрите на меня, а я смотрю на вас. Но вот рамки ломаются, холст рвётся, мы бросаемся навстречу друг другу и, обнявшись, замираем в тишине, пахнувшей нашим горячим дыханием.

Они целовались долго, с упоением и осторожностью. Ливушке нравились его очень аккуратные губы, как бы неторопливые и вкрадчивые. В этой аккуратности и вкрадчивости грозовой лиловой тучей набухала чувственность. И ещё девушку волновало её собственное дыхание, невероятно длинное, упругое и сочное, складывающееся в жаркую бесконечность из коротких, как блеск возбуждённых глаз, молний.

Потом она вырвалась из его тёплых и сильных рук и сбежала в ванную. Время ушло прочь и не хотело возвращаться. Плохо помня себя, Ливушка сбросила тапки, мокрую одежду, ставшее вдруг липким тонкое бельё, включила воду и встала под шелестящий отчаянно душ. Голые плечи сосала, словно сказочная добрая змея, струя воды, она стекала воздушным прозрачным вином по бёдрам и зеркально пузырилась вокруг пальцев ног.

— Сорок на пятьдесят... Сорок на пятьдесят... Сорок на пятьдесят... — Ливушка не слышала своего голоса за хлестким водопадом душа. — Хулиган Тютрюмов... Волшебник Тютрюмов... Гений Тютрюмов!..

Ей казалось, что она смеётся, хотя на самом деле она плакала и давилась сладкими и горячими слезами, как пятнадцатилетняя дурочка.

Утренний свет не отрезвил ни её, ни гостя. Кажется, был кофе, а ещё следы укуса на пле-

че, возможно, даже выкуренная сигарета. Звонил телефон, кипя от собственной настырности и бестолковости. Ливушка думала о том, что надо вставать и ехать на работу, но всё это было так нелепо, так неважно, так глупо и так далеко.

Проснувшийся Ларькин хорошо сказал:

– Доброе утро, Ливушка!

Ну да, а потом чуть ли не до крови укусил её в плечо! Она взвыла по-кошачьи, рысью набросилась на мужчину, и оба больше часа душили в объятьях, рвали и мяли друг друга прямо в постели.

Какая могла быть после этого всего работа?

На портрете её лицо в копне белых волос теперь смотрело прямо. Очки пропали. Это было так странно и вдруг так ясно и очевидно, что не хотелось рыться в рухляди и тряпье возможных объяснений свершившегося чуда.

По потолку, клубящемуся и словно набиравшему воздуха для дыхания, мягко плыли солнечные лучи. Она лежала у него на плече и любовалась золотым цветом обычно белого и плоского потолка.

– Поедем в воскресенье на могилу моей мамы?

Я хочу, чтобы она услышала, как я счастлива.

Он кивнул. Она вдруг взволновалась:

– Слушай! Как ты вчера сказал?

– О чём?

– О понятном и непонятном?

Он захватил её правую бровь губами и что-то произнёс.

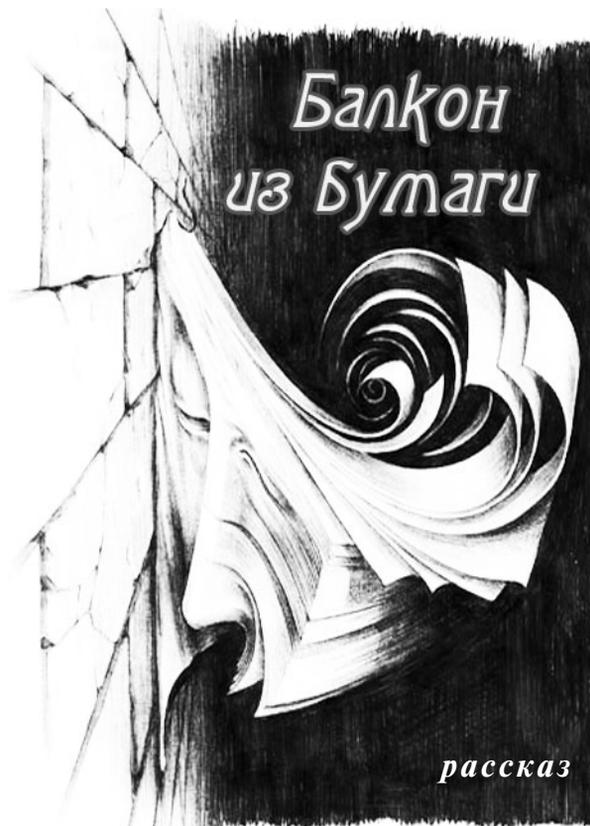
– Что? – она вырвалась от его губ и сверкнула глазами. – Я не расслышала.

Он стал серьёзным и медленно повторил:

– Почему бы однажды не поменять то, что понятно, на неизведанное.

– Вот что! Понятное на неизведанное!.. – она почти вздрогнула. – Я так счастлива, веришь?

Он вновь кивнул. Она вздохнула и опять легла к нему на плечо. Белокурая девушка на портрете, сняв ненужные очки, смотрела на них прямо и совсем равнодушно. Очевидно, она устала всматриваться туда, за рамку, и теперь, дождавшись свободы, отдыхала. По потолку продолжал плыть солнечный свет, и золота в комнате становилось всё больше и больше.

рассказ

1

На Москву опустился весенний вечер. Майские липы уже демонстрировали серебристо-зелёные глазки на ветках, всюду пахло натёртым до блеска асфальтом и свежестью.

Юноша и девушка, касаясь друг друга плечами, поднимались от набережной в сторону Таганской площади. Он нёс под мышкой старомодный портфель, она сжимала в ладошке букетик нарциссов. Его звали Клим Демирель-Луи, её – Астра Белова. Молодые люди молчали, но по лицам этой пары было видно, что сейчас им хорошо и без разговоров.

Вдруг в небе громыхнуло, на улице резко потемнело, свистнул ветер. Пошёл дождь, и они свернули в оказавшуюся на пути старомодно-уютную церковь.

Внутри горели свечи, мерцал алтарь, шла служба.

– Подожди, я голову накрою!

Астра достала из сумочки косынку и ловко по-

вязала её на волосы. Демирель ждал, глядя в золочёную темноту храма. Там гудел голос священника, прерываемый шорохом одежды, когда прихожане крестились. Здесь было тепло и душно, словно в хлебопекарне.

Девушка подошла к юноше, он обернулся и, словно не узнавая, взгляделся ей в лицо. Она посерьёзнула. С паперти каменного крыльца церкви сквозило сырым дыханием дождя, в притворе струился сумрачный жар. Свечные ящики, окрашенные голубым акрилом, напоминали странные кубические глаза, следившие за мерным смешиванием уличной прохлады и церковного тепла.

Юноша в испуге охнул.

— Что такое? — прошептала Астра.

— Семечка.

— Где?

Клим шевельнул верхней губой — там! — и Астра поверила, провела пальчиком по розовой «м», по-детски дрожавшей под кончиком её красивого носа.

— Там же ничего нет!

И всё же девушка несколько раз потёрла губу и покраснела, даже в темноте притвора заметно и ярко

Юноша улыбнулся:

— А ты веришь.

— А я такая. Я всему верю.

— Кстати, давно хотел тебя спросить.

— О чём?

Он посмотрел на носки её туфель, как-то пособачьи склонил голову к плечу, потёрся ухом о воротник пиджака и вдруг сверкнул глазами:

— Зачем ты выскочила за него замуж?

— О, господи! Демирель! Не порти вечер, прошу тебя!

— И всё-таки зачем?

Астра вздохнула:

— Потому что надоело.

— Что надоело?

— Всё! Телефонные звонки, ваши мужские анекдоты, взгляды словно из кустов.

Юноша уверенно обнял её за талию. Девушка дёрнулась, но, кажется, ей понравилась его настойчивость.

— Ведь могла выйти и за меня? Разве нет?

Астра хитро прищурила глаза.

— Нет.

— Почему?

— Демирель-Луи! Мне не нравится. Была бы у тебя русская фамилия...

— Неуважай-Корыто?

— Хотя бы.

И вдруг они вместе рассмеялись, молодые, красивые, беспечные до обаятельности.

— Заржали кобылки! А ну-ка идите отсюда, нехристи!

Бабушка была узенькая и сердитая, в кофте на круглых пуговицах и с белым платком на голове. Обычная настолько, что даже реагировать на её слова не хотелось. Автоматический голос в метро или рекламный слоган с экрана телевизора.

Демирель-Луи поманил её пальцем и, когда бабушка повелительно нахмурилась, вдруг резанул:

— Дура!

Юноша и девушка захохотали и бросились вон из церкви.

На улице хлестал настоящий ливень. Клим и Астра бежали до самой Радищевской, там поймали такси и, прыгнув в салон, прижались друг к другу, точно сиамские близнецы.

Демирель-Луи довёз девушку до Гольянова, до кирпичной пятиэтажки, окружённой кустами шиповника и акаций. Сырые заросли и асфальт отливали серебром. Свет из окон падал квадратами, кругами, ромбами и трапециями.

Целовались долго, непрерывно, с удовольствием, скользя жаркими губами и языками по горящим лицам. Правая рука юноши то и дело падала с талии девушки на сиденье, а потом приподнималась и скользила по голому колену, бедру и обтянутой шёлковым лоскутком ягодице.

Снаружи шумел дождь. Таксист ждал. Его огромный затылок и плечи не выражали ничего, кроме равнодушия.

— Всё, хватит! — Астра одёрнула подол юбки и вынула из сумочки косметичку. — Попроси его включить какую-нибудь лампу. Темно, как в пещере.

В салоне зажётся лунообразный, тусклый свет. Астра подрисовывала себе глаза и подправляла губы.

— Ты красивая, — сказал юноша. — Можно и не марафетиться.

Девушка хмыкнула.

— Это не для тебя. Это для мужа.

— Ах вот оно как!

— Ах вот оно так.
 — Маскировка?
 — Не болтай чепухи. В семье всё должно быть как всегда. Выражение лица у мужа, рисунок косметики у жены, вкус еды на обед и цвет обоев в спальне. Если что-то нарушается, жди беды... Убери руки, на сегодня хватит.

Демирель-Луи отодвинулся на сиденье чуть дальше и промолчал. Астра надеялась, что он не отстанет так быстро, но ничего подобного не произошло. Она покрасила губы и замерла в ожидании.

Таксист выключил свет.
 — Платить будем?
 — Две минуты обождите. Провожу девушку и поедем обратно.

Когда молодые люди оказались под козырьком подъезда, между ними возникла странная пауза. Словно они что-то не договорили друг другу. Или же, наоборот, всё уже сказали и понимали оба, что никакого продолжения быть не может.

Мутно-жёлтый светильник под козырьком, забрызганный почерневшей от времени штукатуркой и с паутиной трещин на плафоне, горел, что называется, на последнем издыхании. Всё время потрескивал и мигал, как будто заикаясь, перед прощанием. В темноте вокруг крыльца продолжал шелестеть дождь. Неуверенный городской свет и упрямая городская ночь играли в любимую игру: ну, желтоглазый и чернокрылая, кто из вас сегодня быстрее?

— Позвонишь мне завтра?
 Юноша промолчал. Он смотрел в темноту, думая о чём-то своём, словно художник перед пустым холстом или путешественник накануне первого шага по неизвестной дороге.

— Эй! — в голосе Астры возникла тревога. — Ты меня слышишь? Что с тобой, Демирельчик?

Он заглянул ей в глаза и смотрел долго, не отрываясь и не говоря ни слова.

Она мягко пожала ему плечо.
 — Не надо, прошу тебя. Уезжай. Очередной день позади, завтра всё будет по-другому.
 — В который уже раз по-другому?
 — Хочешь разозлить меня на прощанье? Не выйдет. Ты такой смешной, когда сердисься.
 — Я иногда думаю, что ты...
 — А ты не думай. Мы с тобой ещё маленькие, чтобы о чём-то таком серьёзном думать.

Клим выкатил глаза, заиграл бровями и стал необыкновенно глуп лицом. Он кого-то изображал, даже изменил голос, хрипя, словно удушенный:

— Я хочу тебя, курочка!
 — О, господи!
 — Ты не поняла. Это не я, это он. Твой Лев Натанович Белов, наукообразный кровопускатель. Ты придёшь сейчас домой, он тебя обнимет, почувствует запах твоей косметики, одежды, сочного тела и скажет: «Я хочу тебя! Раздевайся скорее!» Ты, словно по команде, побежишь в ванную, потом ляжешь с ним в постель, он начнёт сосать твои губы, потом грудь, потом гладить тебя по животу, пальцами тереть курчавые волосики на лобке, а дальше нырнёт ладонью тебе между ног, как в тёплую норку, и зашепчет, зашипит, задышит, заскулит... Задёргается весь, отупеет лицом и станет похож на ударенную токком крысу... Старая шпала!

Астра размахнулась и залепила Демирелю увесистую пощёчину. Он выронил из-под мышки портфель, но поднимать его не стал, а наподдал ногой с такой силой, что тот отлетел на газон и сгинул в темноте.

Таксист, раздражённый долгим ожиданием, сигнализировал как подорванный.

Девушка кинулась к машине, сунула шофёру деньги через окно, потом вернулась обратно, вцепилась юноше в рукав, рывком открыла дверь подъезда и потащила Демиреля за собой.

Застучали женские и мужские каблуки по лестнице, полотно двери глухо шамкнуло, чавкнул замок — и наступила тишина.

Плафон под козырьком перестал мигать и вдруг загорелся ровно, словно в изумлении. Дождь тоже стих, неожиданно и сразу, как в кино.

— Куда ты меня волочешь, Астра?
 — Туда, — она вздёрнула головкой, указывая путь вверх по лестничному пролёту.

Он ухватился за перила, чтобы остановиться, но девушка тащила его так отчаянно и с такой силой, что он чуть на растянулся на ступеньках. Она продолжала бежать вверх, и ему приходилось послушно скакать следом.

— Я портфель оставил на улице!
 — Утром подберёшь. Кому он нужен!
 — А твой муж?
 — У него сегодня ночная смена на скорой.

Теперь они стояли у двери в квартиру, оба тяжело дышали. Демираль сделал движение в сторону лестницы, но Астра опять залепила ему пощёчину.

— Ты что? — он совсем растерялся. — Сбесилась?

— Сейчас узнаешь.

— Что узнаю?

— Какой ты на самом деле. И чего стоит твоя любовь.

Он вдруг обхватил девушку за талию. Но она выставила локоть и быстро прошептала:

— Не здесь, не здесь. Погоди, достану ключи!

2

Они сидели в большой комнате, он — в кресле, она — на диване. Что делать дальше, оба не знали. Астра женским чутьём ощущала своё превосходство. «Он послушался, влез в квартиру — вот пусть теперь и выкручивается!»

А Клим чувствовал странную пустоту в груди, молоточки в висках, холодную сырость своих фланелевых носков и тесный запах чужой квартиры. И ещё его раздражал яркий верхний свет. Такая люстра с тысячьо висюлек хороша для замковой залы с камином и оленьими рогами на стенах, но не для двадцатиметровой комнаты в пятиэтажной хрущёвке.

На Астру он старался не смотреть. Девушка сидела на диване, красиво склонив голову к коленям, словно прислушивалась к чудесной музыке, звучащей где-то вне комнатного пространства, никем сейчас кроме неё неуловимой и скорее всего потусторонней. Это созвучие молчаливой девушки и живой, а не мёртвой тишины парализовало юношу. Он так мечтал остаться когда-нибудь с Астрой один на один, опьянить её своей страстью и нежностью, целовать её маленькие руки и тыкаться лбом в фарфоровые чашечки коленей, и вот теперь чувствовал, что не может на такое решиться. Больше того, его душил стыд. Какой-то бессмысленный, дурной стыд за себя и за неё, так легко впустившую чужака в свой дом.

«Разве это любовь?» — переживал Демираль. Там, в такси и на улице, всё было так хрустально чисто, свежо, искренне и по-настоящему. Да-да, именно что по-настоящему, отчего,

собственно, и сердце, сердце так билось в предчувствии открытия долгожданной тайны или там загадки для них двоих.

А выходило что? Яростный крик обделённого сексуальной добычей самца, сопли до пояса и заслуженная пощёчина.

Балаган, да и только.

Наконец он пошевелился и сдавленным голосом спросил:

— Ну так я пойду?

Девушка приподняла голову и, глядя в сторону, словно тоже чего-то стеснялась, ответила равнодушно:

— Как хочешь.

Демираль кивнул — и словно лишился сил. Откинувшись на спинку кресла, вытянул ноги, уронил подбородок на грудь. Надо было уходить, но дурацкая привычка оставлять за собой последнее слово, поважнее и позакорыстее, дёрнула за язык. Поэтому юноша поклоунски фыркнул и опять заговорил:

— Нам по девятнадцать лет, мы независимые и неглупые люди. Я могу соблазнять кого хочу, ты вольна изменять своим избранникам, в конце концов это ничего не меняет, кроме уровня тестостерона в крови и концентрации сперматозоидов и яйцеклеток. Собственно, ты и я ищем то, чего хотим. Результат непредсказуем и пока относится к категории безобидных шалостей.

Она посмотрела на него очень серьёзно. Очевидно, ей хотелось сейчас чего-то другого, но она понимала, что ничего, кроме глуповатой болтовни, теперь не получится. Поэтому Астра решила отвлечься от ситуации и сделать, что называется, пас в сторону.

— Почему ты ушёл из медицинского? В нашей группе ты был одним из лучших.

— Просто понял, что медицина — это не моё.

— И что теперь?

— Пойду в армию.

— Мне кажется, тебе там будет фигово.

— Это почему?

— Не знаю. Просто кажется. Поцелуй меня. Пожалуйста, Демиральчик!

Он подошёл к дивану и опустил на колени. Девушка заглянула ему в глаза и поняла, что он трусит.

— Ну? Я очень замёрзла. Обними меня скорее и поцелуй. По-жа-луй-ста!

Демирель вздрогнул и, согнувшись к полу, стал бить в него кулаком и чуть ли не всхлипывать:

— Чёрт, чёрт, чёрт!.. Что-то не то, понимаешь, не то, не то, не то!..

Девушка потрепала его по голове, потом слезла с дивана, обошла юношу и встала у окна. Она откинула занавеску и любовалась своим отражением в чёрном стекле, словно в дорогом зеркале.

Было очень тихо. Неслышимая музыка исчезла. Яркий свет люстры с сосульками подвесок становился всё ярче и холоднее.

Астра многозначительно спросила:

— Чего же больше в жизни: счастья или несчастья?

Юноша посмотрел на подругу и опять подумал: «Как же она красива и как же мне от понимания этой красоты стыдно и мерзко. Потому что я закомплексованный мазохист и нравственный урод».

Астра постучала тихонько по стеклу, привлекая внимание юноши, и переспросила:

— Тоже не знаешь?

— В жизни — больше жизни.

— Понятно. Какой ты смешной, Демирельчик. Как разбитая игрушка на новогодней ёлке, — девушка как-то двусмысленно, протяжно вздохнула, приоткрыла рот, обнажив слегка зубы и кончик языка, и медленно произнесла:

— Так ты меня совсем не хочешь?

И вот тут Клим рванулся к ней, обхватил за плечи, прижал к себе изо всех сил и жарко зашептал, щекоча губами её ухо, висок и щёку:

— Слушай, Астра! Я тебе постараюсь объяснить. Слушай! Недавно я видел сон. Лето, окно в комнате плавится от солнца, жара страшная, как в пустыне. Кошмар от предчувствия того, что я сейчас задохнусь. Кидаюсь к балконной двери, рву её с мясом и звоном, надо на свежий воздух. Дверь летит в сторону, я хочу выскочить на балкон — и в последний миг замечаю, что это невозможно. Балкон из бумаги! Тонкой и пожелтевшей от времени! Если я сделаю шаг, то он сомнётся, как газетный лист, прорвётся и я полечу вниз. Это... это было ужасно! Потому что теперь и в комнату возвращаться было страшно. А вдруг она тоже бумажная? И тоже сейчас провалится?

— Так это всего лишь сон. Успокойся!

— Сон, да... Но я всё понял. Мы с тобой что-то себе вообразили вроде этого смертельного бал-

кона. Рвёмся туда, где на самом деле ничего нет. Один шаг — и всё. Ни Астры, ни Демиреля, ни любви, ни счастья... Мы, видимо, заигрались. Зашли не туда. Пора остановиться.

Астра побледнела. Она не испугалась, только почувствовала, что говорить с юношей больше не о чем. Интерес к происходящему погас. Ей не понравился рассказ про балкон. «Какие неврасценики все эти юноши!» — чуть-чуть высокомерно подумала она. Вот её муж, Лев Белов — врач скорой помощи — тридцатилетний, уверенный, скучный, как пробка от бутылки, но надёжный. Натаныч, как зовут его коллеги. Ну, наполовину еврей, наполовину русский. Все хорошие врачи обычно евреи. Потому что русские врачи всегда несчастны и пишут тайком плохие стихи или пьют дешёвую водку. И некогда им, понимаете ли, лечить. Сами словно в предсмертной лихорадке. А Натанычи ставят клизмы, измеряют давление, подносят стакан воды с какой-нибудь редкой таблеткой и говорят: «Таргиш тов!» — «Здоровья тебе!» Темноты и балконов не боятся. И спят крепко, как львы — хозяйева прайда!

На-та-ны-чи!..

Судьба в виде готового счастья с клизмой и манометром!..

Как крикнула нам та бабушка в церкви? «Идите отсюда, нехристи!» Правильно. Идите. Сгиньте. Пропадите. Все эти бабушки знают, где лежит счастье, и его от нас берегут. А мы всё тыкаемся мимо, как слепые котята, и не понимаем, что творим.

Господи, зачем я притащила сюда этого Демирельчика?

Тишину в квартире разорвал звонок городского телефона. Девушка оттолкнула Демиреля и ушла в прихожую. Зажгла там свет, присела на низкую тумбочку, очень звонко сказала в трубку:

— Алло!..

Потом была долгая тишина. Астра слушала сообщение. Не меняясь в лице и не шевелясь.

Юноша стоял у чёрного ночного окна и ни с того ни с сего начал ощущать страх. Словно что-то плохое уже произошло или вот-вот случится.

— Да... Астра Белова... Жена Льва Натановича... Когда?.. Полчаса назад?.. На Кутузовском проспекте?.. Оторвана левая нога... Грудь проломлена... Мгновенная смерть?.. Опознание... Морг... В Склифосовского... Сейчас?..

Хорошо, завтра в девять утра... Спасибо... До свидания!..

Дальше опять тишина. Через секунду вопль, через две на пол рухнуло тело. Демирель не мог оторвать взгляда от окна. Он уже всё понял. Надо было бежать в прихожую. Немедленно! Лететь, споткнувшись о ковёр, спешить на помощь, наморщив лоб и сурово поджав губы! Но это так страшно. Всё равно что шагнуть на тот кошмарный балкон.

Очнулся юноша уже когда стоял над неподвижной девушкой. Астра лежала на боку, смешно и неуклюже поджав правую ногу. Глаза сомкнуты, рот нараспашку. Как кукла на выброс у мусоропровода! Рядом валялся телефонный аппарат. Демирель несколько секунд рассматривал эту мёртвую картинку, и вдруг его словно подменили. Во-первых, он несколько раз глубоко вздохнул, успокаиваясь, потом жестом тореро скинул на пол мешавший движению пиджак, ловко закатал рукава рубашки, опустил на корточки, потрогал у девушки лоб, пощупал пульс. Наклонился ухом к губам. Дышит! Дышит! Просто обморок, всего и делов-то!

Он поднял лёгкое, замершее тело и перенёс его в комнату. Уложил на диван, закинул её руки за голову, а ноги на отвал. Всё как учили в медицинском. Первая помощь при потере сознания. Кровь должна отхлынуть от головы, чтобы не было инсульта или чего похлеще.

Демирель осмотрелся. Так. Теперь расстегнуть Астре блузку, раскрыть широко балкон — там весенний ночной воздух, сырой и свежий после дождя воздух! — ей сейчас так нужен воздушный океан! — и быстро в ванную, намочить холодной водой полотенце. Одна нога здесь, другая там! Скорее, скорее! Одно сырое полотенце ей на лоб, другое — на грудную клетку. Отлично! Работаем как у операционного стола, на выучке и на автомате!

Астра не шевелилась.

Ладно. Что дальше?

Юноша приподнял ей веки. Глазные яблоки чистые, зрачки потемнели и сузились. Но блёклой, предательской паутины на них нет. Значит, ничего страшного! Это шок! Надо вывести Астру из шока и не психовать.

Теперь он стоял в кухне перед холодильни-

ком. Врач мог хранить препараты только здесь. Посмотрим! Он распахнул дверцу. Кастрюля, очевидно с супом, маслѐнка, молоко, полкочана капусты...

Вот то, что нужно! Синий контейнер на нижней полке!

Демирель быстро и ловко перебирал коробки с лекарствами. Нашёл одноразовые шприцы, спиртовые тампоны, пачку ампул с надписью «Кордиамин». Взял одну... нет, две — на всякий случай! Назад к дивану, переворачиваем девушку, юбка, трусики, розовый круглый задик с невидимым, но осязаемым, словно дыхание младенца во сне, пушком...

Не отвлекаемся! Ломаем одну ампулу, заполняем шприц, трѐм спиртом правую ягодичу, разглаживаем на ней кожу... боже мой, это же соблазн, рай, улѐт полный! — это розовое, круглое, такое шёлковое на осязание... — всё к чёртовой матери! Пусть летит в тартарары!..

Палец на дозаторе. Конец иглы. Прицелились. Хоп! Укол!

Когда Астра открыла глаза, Клим сидел, уставившись взглядом в пол, держа в одной руке тампон и в другой шприц. Девушка позвала юношу еле слышно, он медленно повернул к ней голову и странно так спросил:

— Ну, чего тебе ещё? Ещё укольчик?

Она заплакала. Слезы сверкнули под ресницами, одна сползла по щеке к верхней губе, Астра слизнула её кончиком языка и всхлинула.

— Обойдѐшься! Кубика кордиамина тебе достаточно.

— Лѐва...

— Я понял.

— На Кутузовском...

— Я слышал.

— В аварии... Насмерть...

Демирель положил на пол тампон и шприц, встал, стянул с кресла покрывало, накрыл им девушку.

— Подушка есть?

Астра промолчала, но указала глазами на шкаф. Юноша вынул подушку, аккуратно пристроил её подруге под голову и, вздохнув по-хозяйски, словно крестьянин, вернувшийся усталым с поля домой к ужину, заявил:

— Шок я снял. Теперь всё в порядке. А ты лежи и поменьше кукуйся. Водка есть?

— Лёва пил армянский коньяк... В баре бутылка... Ой, господи, Лёва!..

Она разревелась отчаянно и безнадежно, словно только сейчас поняла, что случилось. Демирель встал над ней, поправил подушку, покрывало, пожал плечами и вздохнул. Ситуация перевернулась, ничего страшнее такого переворота девушка и юноша, игравшие час назад бог знает во что, представить себе не могли.

Но деваться теперь было некуда. И надо было делать что-то хорошее.

Демирель спросил:

— Наревелась?

Астра кивнула, словно курица клюнула сама себя подбородком в ключицу. И почти пискнула:

— Завтра надо в морг. На опознание.

— Я слышал. Там солидный морг. В Склифе.

— Да... К девяти часам утра...

— Поедем вместе. Ты сейчас ни о чём не думай. Хочешь, выпьем коньяку? Или поболтаем? Ты не молчи! Не смей, слышишь? Говори что-нибудь. Молитвы какие-нибудь знаешь? А стихи? Ну хотя бы таблицу умножения не забыла? Давай, давай, вслух, чётко и уверенно, как на экзамене.

Астра закрыла лицо рукой и как бы ушла в себя. Однако было видно, что кожа у неё понемногу начинает светиться, пальцы на руке оживают, шейка розовеет.

— Ну ладно, молчи, — юноша опустил рукава и подтянул джинсы. — Пойду подберу на улице свой портфель. А то утащат утром.

— Вернёшься?

— Честное слово.

— А потом?

Он задумался.

— А что потом? — голос у него был спокойный и уверенный. — Сяду рядом на стул и буду смотреть на тебя до утра. Если не прогонишь.

Она открыла лицо и спросила:

— Всю ночь?

— Разумеется.

Астра вдруг протянула к Демирелю руку, но тут же спохватилась и спрятала её под покрывалом.

Он вопросительно наморщил лоб: что-нибудь ещё?

— До самого рассвета?

Он важно свёл над переносицей брови: ещё бы!

— Только не выходи на балкон.

Тут Демирель не выдержал собственного серьёза и растерянно улыбнулся:

— Почему?

Она отвернулась и еле слышно буркнула в подушку:

— Не знаю... Не знаю... Не выходи, и всё. Ладно?

□

Сергей Владимирович БУРЛАЧЕНКО —

писатель, киносценарист, журналист.

Родился и вырос в Москве.

Окончив сценарное отделение ВГИКа, работал на телевидении.

Как сценарист участвовал в документальных и игровых проектах.

С середины 1990-х занялся журналистикой,

работал в газетах и журналах.

Рассказы и киносценарии публиковались в журналах «Новая Юность», «Дальний Восток», «Бельские просторы» и др.

В 2016 году вышла книга «Пороки сердца»

(«Геликон Плюс», Санкт-Петербург).

Член Российского союза писателей.

В журнале «Север» публикуется впервые.

